

ИСТОЧНИКИ

1. Городницкий А. М. Перелетные ангелы. Свердловск: Старт, 1991. 280 с.; Острова в океане. М.: МГЦ АП, 1991. 320 с.; Созвездие Рыбы. СПб.: Журнал «Нева». 1995. 150 с.; Ледяное стремя. СПб.: Журнал «Звезда». 1997. 160 с.; Стихи и песни. Избранное. М.: Лимбус Пресс, 1999. 624 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эйдельман Н. «В полет свой дальний...» // Городницкий А. Перелетные ангелы. Свердловск: Старт, 1991. С. 5-6.
2. Анненский Л. Шестидесятник в восьмидесятых // Городницкий А. М. Острова в океане. М.: МГЦ АП, 1991. С. 5-10.
3. Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН, 2004. 446 с.
4. Анненский Л. Горький дым // Анненский Л. Барды. М.: Согласие, 1999. С. 44-62.
5. Карамзин Н. М. Предания веков. М.: Правда, 1987. 766 с.
6. Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. 415 с.
7. Макогоненко Г. П. Древняя Россия, открытая Карамзиным // Карамзин Н. М. Предания веков. М.: Правда, 1987. С. 5-28.
8. Эйдельман Н. «В полет свой дальний...» // Городницкий А. Перелетные ангелы. Свердловск: Старт, 1991. С. 5-6.
9. История Отечества. Отв. ред. В. Н. Шевелев. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 2004. 608 с.

*Людмила Александровна ЛЕТАЕВА —
декан филологического факультета,
кандидат филологических наук, доцент*

УДК 821

**РУССКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ РУСИСТИКЕ**

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой краткий обзор некоторых публикаций, посвященных изучению особенностей русского национального характера и менталитета, которые в своей совокупности создают противоречивую картину, поскольку одни из них основаны на глубоком знании историко-политических, социально-экономических и лингвокультурных условий существования русского народа, другие — на фрагментарных сведениях о прошлом и настоящем России, третьи страдают субъективизмом и тенденциозностью. Автор подчеркивает, что данная проблема требует объективного осознания и оценки прежде всего со стороны самих русских.

The author surveys several works devoted to the study of Russian national character and mentality and concludes that these works can be grouped into three categories. The first group rests upon a thorough cultural, historical and linguistic study of Russian mentality, while the second one — upon fragmented sources about history and contemporary life of Russia. The third group offers subjective assessment of events.

Последнее десятилетие XX века характеризуется необычайным интересом представителей различных направлений гуманитарного знания к особенностям русского менталитета. Историки, философы, социологи, культурологи, психологи — каждый со своих позиций отдают приоритеты тем или иным качествам, свойствам русского менталитета, подводят под него соответствующую основу, подбирают исторический материал и выносят оценки. Национальные привычки, русский характер и самосозна-

ние народа впечатляют и озадачивают иностранцев, которые посвятили менталитету и ментальности, языковому сознанию русского народа многие исследования. Более шести тысяч сайтов в Интернете связаны с описанием характеристик и свойств, присущих русскому национальному характеру. Среди гуманитарных наук в центре оказалась лингвистическая наука, поскольку ее объект — язык является одним из ведущих составляющих цивилизации. В основе всех форм человеческой жизнедеятельности лежит Слово-Логос которое хранит и развивает язык. «Сегодня мы увидели, — отмечает В. В. Колесов, — что кроме вещей и идей есть еще и слово, язык, в который вмещается все: и идеи, и вещи. Наступило время языка — в философии, в культуре, в ментальности» [8; 3]. Повышенный интерес к специфике русского менталитета можно отметить в отечественной русистике и со стороны представителей других языков и культур, работающих в области языковедения. Эти публикации представляют для нас интерес прежде всего в познавательном плане, ибо они не всегда основаны на добротном культурно-лингвистическом материале, иногда субъективны и тенденциозны, однако «взгляд из-за рубежа» достоин быть предметом научного наблюдения и учета типичных черт русского национального характера.

Среди зарубежных публикаций очевидно уничижительным подходом к русской ментальности отличается книга Д. Ранкур-Лаферрье [12]. По его примеру взялись «чернить» собственный народ, его историю и некоторые отечественные общественные деятели, объявляя, например, пресловутое «авось», или «заодно», главный сущностной чертой русского менталитета. Истоки таких подходов бесспорно следует искать в той общественно-политической и экономической обстановке, которая сложилась в России в конце 1980-х — начале 90-х годов. Начало же дискуссий и публикаций в лингвистике связано, пожалуй, с книгой польского ученого-словесника А. Вежбицкой, заявившей о трех основных категориях русского менталитета: «...в наиболее полной мере особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры. Я имею в виду такие понятия, как душа, судьба и тоска» [2; 33]. Со времени выхода книги до настоящего времени в отношении этих концептов высказано множество различных, порой противоположных, суждений, вплоть до полного осуждения утверждений А. Вежбицкой.

Как справедливо замечает О. А. Кукоба, концепции и понятия, разработанные в рамках одной культуры для описания поведения людей, могут оказаться неадекватными для подобной трактовки в другой культуре [9; 197]. Действительно, отдельная этническая общность обладает набором специфических черт в сознании и культуре, одни и те же концепты имеют различную значимость и оценку в повседневной философии жизни даже одинаково развитых этнических общностей или близкородственных народностей. Возможно это обстоятельство является причиной тому, что русский менталитет остается «загадкой» для иностранцев, хотя Россия остается открытой для других народов. К примеру, А. Д. Летова на материале паремий и афоризмов русского и английского языков с применением методов математики и информатики устанавливает различия в иерархиях общечеловеческих ценностей в национальной шкале русских и англичан [10]. Автор приходит к выводу, что английская национальная личность и русская национальная личность примерно одинаково выделяют только один макроконцепт — «человек как живое существо». В отношении остальных макроконцептов приоритеты английской национальной личности и русской национальной личности почти не пересекаются, свидетельствуя о коренном различии менталитетов.

Аналогично радикальные расхождения между менталитетом русских и французов на материале абстрактной лексики устанавливает М. К. Голованивская. При наличии некоторой общности французской и русской ментальности, позволяющей говорить об индоевропейском типе мышления, различия в объеме понятий и их количестве в рамках того или иного понятийного поля свидетельствуют о глубоком

различии путей, по которым развивались две автономные цивилизации, членя «мир» по-своему, самобытно и наполняя понятия своим национально-специфическим набором признаков. Частичная общность выявлена в образном фонде этих двух культур, в то же время непересечение коннотативной системы является следствием различий «материнских» мифологий (античная — славянская, католицизм — православие) [4; 279]. В частности, по поводу концепта «душа» автор заключает, что за русским и французским представлениями «души» стоит один и тот же этимон — «дух, дыхание», однако понятия, произошедшие от этого этимона, развили разные образно-ассоциативные ряды, что обусловлено различиями в формировании национального самосознания и в свою очередь привело к различиям в сущности менталитетов. Русская «душа» в большей степени связана с представлениями о психологическом статусе языкового сознания (внутренняя суть человека, судья и палач, основа жизни). Французское сознание не ориентировано на адаптацию высшей функции за органами наивной анатомии человека. Носитель французского языка передал душу и совесть разуму, приписав ему основную жизненную энергию. Для русского сознания неприемлем образ души как ткани, оболочки, одежды, металла, укоренившийся в мироощущении французов. Благодаря православию русское сознание пропитано духом сострадания и мистицизма, уживающихся с внутренним одушевленным источником эмоций — душой. Носитель же французского языка преобразует то, что ему мешает, независимо, внешний это источник или внутренний. Отсюда проистекает «страдательность» русской души (активность — пассивность), включая критерии богатства, добра и зла [4; 161-163].

Понятие «душа» действительно значимо для понимания русского менталитета и национального характера. «Русская душа» — концепт, устоявшийся в русской культуре, в то время как французская или китайская душа в качестве ментального понятия не существуют, заменяясь концептом «национальный характер». Для европейской цивилизации понятия «душа», «ум», «совесть» также признаются основополагающим источником эмоционального, рационального и социально-этического социума. В наивном мифологическом сознании душа, по мнению А. К. Перевозниковой, наделялась такими качествами, как невидимость, независимое существование после смерти человека, бессмертие, способность к перевоплощению, подвижность, что свидетельствует о синтезе христианского и языческого влияний [13]. В духовных стихах и былинах слово «душа» чаще всего употребляется в значениях: 1) *часть человека, невидимое, бестелесное, субстанциональное начало, носитель жизни; при жизни она находится внутри человека, а после смерти из него выходит;* 2) *сама человеческая личность до и после смерти.*

Все человеческие действия и поступки — деятельность души, она же за них в ответе. Семантика русских пословиц свидетельствует, что лексема «душа» характеризуется такими компонентами: *дар Божий, живое существо с разумом и волей, внутренняя сущность человека, критерий нравственных оценок, управитель поведением человека, ответчик перед Богом за земные грехи, вместилище.* С понятием «душа» связаны самобытные русско-славянские законы нравственности [13; 11-12]. Русскую душу иноземцы «наделяют» в первую очередь такими качествами, как *пассивность и страдательность*, поэтому так тесно связывают с ней понятия «тоска» и «судьба». В их изложении представления о русской душе сложны, противоречивы и непоследовательны. В русском же языковом сознании душа выступает в нескольких ипостасях. Так, О. П. Ермакова, разделяя мнение А. Вежбицкой о трех основных категориях русской ментальности, дополняет их концептом «совесть» не потому, что русский человек более совестлив, чем другие этносы, а потому, что совесть занимает большое место в его сознании. Эта черта характера отчетливо отражена в русском языке и русской литературе [5; 375]. Автор приводит определение совести И. Канта, отмечая, что оно наиболее соответствует представлению совести в

русском менталитете как второго «я» в сознании человека, как его «внутреннего судилища». Ю. Д. Апресян понимает этот концепт как «нравственный тормоз» [1; 353], Е. В. Урысон — как «невидимый орган» [15; 9]. К концепту «совесть» обращались А. Вежбицкая, Н. Д. Арутюнова и др. Во всех исследованиях «совесть» представляется как некая сущность внутри человека, то есть антропоморфность очевидна: с совестью говорят, советуются, к ней взывают, ее усыпляют, совесть требует, молчит, грызет, ее теряют, продают, пытаются заглушить ее голос и т. д. [5; 376].

Одну из черт русского менталитета, по мнению А. В. Зеленина, отражает фразеологизм «задним умом крепок» [6]. Эта поговорка представлена как национально характеризующий словесный знак, появившийся на русской почве. Сама ситуация, легшая в основу данной фраземы (о поздно спохватывающемся человеке), присуща многим другим языковым сообществам. Но каждый народ дает ей обозначения, исходя из собственного национального опыта. Парадокс фразеологизма «задним умом крепок» А. В. Зеленин видит в том, что он содержит внутрифразовый оксюморон: «крепкий (крепок)» в русском языке в большинстве случаев окружено позитивными ассоциациями, а «задний ум» вызывает негативные ассоциации. Возможно, что на формирование семантики этого выражения оказал влияние неречевой жест «чесать (почесать, поскрести) в затылке». Очевидно, затылок оказывается тем самым «задним умом» в противоположность лбу, который в сознании русских символизирует ум. А. В. Зеленин приводит выражения, передающие аналогичную ситуацию, из других языков (польского, чешского, болгарского, немецкого, английского, французского). Фразема возникла в 1830-40-е годы, однако довольно быстро была генерализована как характеристика национальной особенности русского поведения. Заметим, что психолингвисты затылочную часть головы мозга квалифицируют как место хранения памяти. Почесывая затылок, человек автоматически массирует мозговое вещество, что активизирует работу участка мыслительной деятельности мозга. Лобная часть мозга принимает и обрабатывает внешнюю информацию.

Среди психологических стереотипов, составляющих русский национальный характер, ученые выделяют его подвижность и противоречивость как «сплав взаимоисключающих элементов», сформировавшийся под воздействием хозяйственной среды и географических условий [12; 244]. На протяжении тысячелетий русские непрерывно осваивали новое пространство, не завоевывая другие этносы, а именно продвигаясь, осваивая и адаптируясь в бескрайних просторах, не вступая в противоречие с другими общностями и не навязывая насилия. В этом одно из существенных отличий русской нации от европейских, романо-германских наций. Если для европейца главное — достичь чего-то определенного, преодолевая препятствия, и это его намерение ничем иным не отягощено, то для русского человека приступить к действию значит соотнести свой поступок с правдой, внутренним судьей, душой, богом, получить право на действие. Это качество русской души, выделяемое А. В. Махлаевым, действительно объясняет особенности характера русской нации, в том числе ее противоречивость. Протестантская этика диктует европейцу, что если он добился успеха, то уже любим богом, если не добился — бог отвернулся от него [12; 256]. То есть, главное для европейца — утвердить себя в обществе, и это уже есть моральное оправдание поступка. Над русским же человеком тяготеет препятствие: получить право на поступок возможно лишь через духовное общение. Отсюда создается впечатление безвольности, инертности, «дореклексивности» сознания и т. п. В силу этого «загадочность» русской души в этой связи остается непостижимой для иностранцев. Русское сознание ориентировано на решение своих внутренних духовных проблем с опорой на духовный опыт. Общение с Богом, согласно канонам православия, непосредственное, и божья благодать проникает через устремление сердца, нужно ее ждать.

Аналогично «свобода» в Западной Европе понимается как неотъемлемое право личности определять, что для нее полезно и выгодно. В русском сознании понятие «свобода» получило специфическое осмысление: свобода исконно подразумевает человека как существо общественное, социальное. Она включает и положение личности в какой-либо общности. Концепт «свобода» содержит смыслы: *положение, характеризующееся наличием условий для совершения действий одновременно в соответствии со своими желаниями и желаниями других*. Последнее значение во многом соотносимо с философским: свобода — возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов природы и общества. Таким образом, свобода связана с ограничениями, уважением к другому и ответственностью (долгом) [7; 11-13]. Свободолюбие как личностная черта русского менталитета проявляется в особом, сакральном отношении русских к своему государству [9; 198].

А. Вежбицкая выделяет и такую черту русских, как эмоциональность. Русский язык, отмечает она, исключительно богат «активными» эмоциональными глаголами, типа *радоваться, тосковать, скучать, грустить, волноваться, огорчаться* и т. п. Многие из них являются рефлексивными (-ся). Это усиливает впечатление, будто соответствующие эмоции возникли не под действием внешних факторов, а сами по себе [2, 42-43]. Проанализировав русские и английские глаголы эмоций, А. Вежбицкая устанавливает различия в культурах носителей языка. Русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи, в то время как англо-саксонской культуре свойственно неодобрительное отношение к словесному потоку чувств. Русский язык располагает богатым арсеналом средств, дающих людям возможность говорить о своих эмоциях как о независимых от их воли и ими не контролируемых. При этом русские люди выступают либо как активные деятели (агенты), либо как пассивные. Обе эти ориентации играют одинаково важную роль, но роль «пассивного» имеет, по ее мнению, гораздо большую сферу применения, что свидетельствует о неконтролируемости чувств. Лицо выступает в дательном падеже, а предикат имеет безличную форму среднего рода: ему завидно (радостно, весело) и т. п. Безличная форма глагола и дательный имени, по утверждению А. Вежбицкой, выражают отсутствие контроля [2, 44-46], с чем трудно согласиться.

Многие исследования зарубежной русистики существенно дополняют и расширяют картину изученности русского менталитета, его истоков и детерминирующих факторов, а также отражения в языке. Так, например, китайские филологи-русисты описывают русскую языковую картину мира на материале народных примет [12]. Народные приметы — это история и психология одновременно, в них живет сокровенный опыт народа, фиксируется преломление восприятий и представлений через материальную и духовную сферу жизни народов, отражается тип отношения человека к миру и нормы поведения. Китайцы правильно отмечают значимость в русской культуре образов животного и растительного мира, предметов домашнего обихода, антиномий типа «правый — левый», «теплый — холодный» и т. п.

Чжэн Тао прослеживает особенности русского менталитета на примере концепта «вода» в русском сознании в диахроническом аспекте [13]. В подавляющем большинстве народных обычаев *вода* существует как позитивный образ. Но исторические данные свидетельствуют и о двойственном взгляде на воду: источник силы и средство очищения, благотворительная и могущественная стихия — с одной стороны, и разрушающее начало, среда обитания нечистой силы и душ умерших людей — с другой. В воде обитают водяные, русалки, черти, она опасна для человека, особенно ночью. Именно эти представления лежат в основе

многих русских и славянских обычаев, ритуалов, поверий, верований. Это отражено в русском фольклоре, заговорах, пословицах, поговорках, толкованиях слов, гаданиях.

Подобные наблюдения зарубежных авторов являются фрагментарными, односторонними. В пределах доступной нам литературы не удалось обнаружить глубокого и объективного анализа сущностных свойств русского национального характера и ментальности, основанного на добротном историческом, этнографическом и культурологическом материале. Как правило, мнения зарубежных специалистов вытекают из собственного опыта общения с определенным кругом лиц либо с отдельными представителями русской нации, основаны на поверхностном знакомстве с событиями русской истории, страдают отсутствием психологического подхода, отсюда — отвлеченность, нетипичность, периферийность выделяемых черт.

Так, китайский журналист, работающий в Москве, приводит следующие особенности русского национального характера: 1) мощный творческий потенциал (множество высокоодаренных людей в истории России), это возбуждает у русских чувство превосходства и даже в какой-то мере зазнайство; 2) мужество, стремление к победе: почти во всех войнах (с монголо-татарами и турками, французами и немцами, шведами и японцами) русские побеждали, но если кто-то не хочет жить с ними в одном государстве, то Россия отпускает их; 3) стремление к лидерству в мире; 4) небрежность в малых делах и собранность в больших; 5) повышенная возбудимость, необдуманная поспешность в действиях (россияне всегда чересчур спешат решить свои проблемы, они не любят вести длительные переговоры); 6) однобокий способ мышления: если что-то отрицают, то полностью (если отрицают социализм, то не хотят в нем видеть ничего хорошего, все только в мрачном свете); 7) любовь к крайностям и противоречиям (представитель этой нации может восхитить своей образованностью, интеллектом, и он же может вызвать глубокое разочарование своей ленью, выпивками, беспечностью); 8) чувство юмора; 9) чувство собственного достоинства; 10) освобождение от гнета после распада Советского Союза: развитие рыночной экономики освободило сознание от предрассудков, идеологических и моральных принципов [14].

Директор Библиотеки Конгресса США, представитель интеллектуальной элиты Америки, специалист по истории русской культуры профессор Джеймс Биллингтон утверждает, что прошлое и будущее России зиждется на *трех корнях*: 1) христианская православная культура, которая формировала русскую цивилизацию и играла в России большую роль, чем в Западной Европе; 2) Россия — часть Европы: все, что она брала от Европы, она великолепно осваивала и развивала и в духовной, и в материальной сферах; 3) географическая среда: гигантское и разнообразное пространство России оказывало влияние на психологический склад и экономическое мышление [14; 54-55].

Русские глазами юаровских студентов представлены результатами анкетирования по моделированию персонифицированного портрета [16], под которым понимается набор специфических персоналий, имен живших/живущих выдающихся людей России и/или персонажей произведений литературы и искусства, которые символизируют в сознании иностранцев русский народ. То есть, по мнению авторов такой методики, имена выдающихся людей той или иной эпохи — одно из средств моделирования национальной личности. Полученные результаты несут в себе, на наш взгляд, определенную долю субъективизма, связанную с незнанием России или владением искаженной, фрагментарной информацией о ней и ее достижениях в области науки и техники, литературы и искусства, а также с личными интересами и увлечениями анкетированных.

Восприятие русских иностранцами зависит от экономических и социально-политических отношений между государствами, от степени и активности межкультурного взаимодействия. На протяжении XX века особые отношения, наполненные враждой и трагизмом, сложились между Россией и Германией. Восприятие России и русской нации немцами сквозь временную и территориальную призмы характеризуется глубокими различиями и противоречивыми оценками среди разных возрастных и социальных групп. В сознании жителей ФРГ образ России и русской нации после 1945 года носил отчетливо выраженный негативный оттенок по причине «оккупации ГДР» и неприятия идей коммунизма. В официальной общественной атмосфере ГДР Советский Союз выступал освободителем от фашизма и нацизма, воплощением всего передового и гуманного. В настоящее время идет формирование иных представлений о русских, поскольку границы межкультурного взаимодействия значительно расширились, в том числе на уровне повседневного обывательского общения.

Таким образом, уже этот краткий обзор свидетельствует о том, что менталитет и национальный характер русского народа с его великим историческим прошлым и специфическими условиями бытования — предмет дальнейших изысканий, требующий объективного осознания и оценки прежде всего со стороны самих русских.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
3. Гармашова-дю Плесси И. Русские глазами юаровцев: персонифицированный портрет // Русский язык за рубежом. 2000. № 1. С. 93-99.
4. Голованивская М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. М., 1997.
5. Ермакова О. П. Концепты «совесть» и «зависть» в их языковом выражении // Русский язык сегодня: Сб. статей. М., 2000. С. 375-385.
6. Зеленин А. В. Русские задним умом крепки. А другие народы? // Русский язык за рубежом. 2002. № 3. С. 45-50.
7. Катаева Н. М. Русский концепт «воля»: от словаря — к тексту: Автореф. дис. — канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
8. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.
9. Кукоба О. А. Доминанты российского национального менталитета // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2004. №2. С. 191-208.
10. Летова А. Д. Лингвокультурологический концепт «Английская национальная личность» в сопоставительно-контрастивном описании афористики: Автореф. дис. — канд. филол. наук. М., 2004.
11. Макаров Д. И. 10 признаков россиянина // Русский язык за рубежом. 2000. № 1. С. 53-55.
12. Махлаев А. В. О русском национальном характере // Социально-политический журнал. 1996. № 4. С. 244-251.
13. Перевозникова А. К. Концепт «душа» в русской языковой картине мира: Автореф. дис. — канд. филол. наук. М., 2002.
14. Ранкур-Лаферрьер Д. Рабская душа России. М., 1996.
15. Урысон Е. В. Архаичные представления в русской языковой картине мира: Автореф. дис. — докт. филол. наук. М., 1997.
16. Чжэн Тао. Концепт «вода» в русской культуре // Русский язык за рубежом. 2002. № 3. С. 41-44.
17. Чжэн Тао, Чжао Юнхуа. Языковая картина мира и ее выражение в русских национальных приметах // Русский язык за рубежом. 2002. № 2. С. 104-107.